

18+

ВИКТОР КАГАН

ПРОТИВ СТРЕЛКИ

Виктор Каган

Против стрелки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50438484

ISBN 9785449812049

Аннотация

О чём стихи? Да в общем ни о чём – о жизни, смерти, о любви и боли, о том, что насмерть жизнь и нипочём ей происки фортуны и неволи, о том, что говорит житьё-бытьё, о том, что врёт весёлая гадалка, и жизнь так хороша, что за неё и умереть в конце концов не жалко.

Содержание

«Старинных часов простота заводная ...»	7
«Вслед за стрелкой часовой против стрелки часовой...»	8
«Если есть гром, значит где-то был шорох...»	10
«Свет подёрнутый тусклой теменью...»	12
«От А до Я, от мира до войны...»	13
«Отеческих пенат всё тот же лик...»	14
«Всё главное уходит в сноски...»	15
«Когда словам не вынести тщеты...»	17
Александрю Избицеру	19
Дмитрию Бавильскому	21
«Что давно потерянным ключам...»	23
«Слово просится прочь, как стреноженный конь...»	25
«Песчаный скат на волжском берегу...»	26
«Думалось, будет всегда...»	27
«Время смеялось, плакало, пело...»	28
«Пусть по кругу, словно папаху...»	30
«На солнце проступающие пятна...»	31
«Догорит заката парус...»	33
«Что будет, будет. Что прошло, прошло...»	34
«Слегка подтаявшая летняя жара...»	35
«Не по велению детской считалки...»	36

«Осеннее зарёванное небо...»	37
«Всё тоньше книжка записная...»	38
«Было голодно и одиноко...»	40
«Богом не прочитанный извет...»	41
«И что с того, что прячется в мешке...»	42
«На закате светло...»	43
«Тягучая бессонная тщета...»	45
«Ноябрь. А всё ещё тепло...»	47
Леониду Латынину	48
«Чёрное, белое, зло ли, добро ли...»	50
«От снега первого до почек...»	51
«Если о чём-то и думать, то о тебе ...»	53
1948	54
«Самолётная линия наискосок...»	56
«Как больно прорезаются крыла...»	57
«Вот и день на минуту длиннее...»	58
«Перед новым годом, как перед жизнью новой...»	60
«Всё будет так, как должно быть...»	61
«День отойдёт на пять минут...»	63
«Над сорока сороками сброк воровок-сорбк...»	64
«Расшумелись ночные птицы...»	65
«Тьма прозрачна, а свет кромешен...»	66
песенка	67
«Ночь – растерянная блудница...»	69
«Прошивают землю прилежно дожди...»	70

«Две стёртых даты. Имя не прочесть...»	71
«В кровавой слепоте ристалища...»	72
«Рябина на исходе октября...»	73
Борису Кушнеру	75
бабушка	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Против стрелки

Виктор Каган

Оле и детям

© Виктор Каган, 2020

ISBN 978-5-4498-1204-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Старинных часов простота заводная ...»

Старинных часов простота заводная —
ни гирьки, ни ключика, ни электроник —
как грамота древняя берестяная,
приметы наивной прабабушкин слоник.

Осеннего солнца весёлые пятна
танцуют на лета задумчивой тризне.
И крутишь дрожащую стрелку обратно,
пружину держа в напряжении жизни.

«Вслед за стрелкой часовой против стрелки часовой...»

Вслед за стрелкой часовой против стрелки часовой
память движется по кругу серебристую плотвой,
её держит на прицеле ум – бессменный часовой,
и душа вослед им плачет безутешною вдовой.

Шли-пошли без слов и песен, миновали день вчерашний,
солнце село за спиною, дым рассеялся домашний,
шли тропую неизвестной, шли дорогою всегдашней,
шли бог весть чему навстречу – чем страшней, тем
бесшабашней.

Над повинной головой небо звёздною канвой,
яви путаные карты, снов недрёманный конвой,
в сбруе жёсткой календарной дни-бурлаки бечевой,
время ухаёт совой, всё сначала, всё впервой.

И спасибо, что живой, что ведут воспоминанья
сквозь обманчивые знанья, сквозь незнанья, заклинанья,
сквозь забытые признанья, через знаки препинанья,
сквозь судьбы напластования в прожитого собиранье.

Вспоминаешь сам не свой.
Пахнет прелюю листвою.

«Если есть гром, значит где-то был шорох...»

Если есть гром, значит где-то был шорох,
шёпот с неясным началом в таинстве немоты.
Если есть взрыв, значит где-то должен быть порох.
Если я ещё жив, значит где-то должна быть ты.

Где-то должно быть то, что не знает начала,
ибо начала нет, значит не будет конца.
В гульбище пьяном трезвая птица кричала
или молчала пьяная громче молчанья творца.

Так умирает год. Так начинается новый,
в нём продолжается старый, вертится круговерть.
Так не бледнеет запах сломанной ветки сосновой,
так не кончается жизнь пусть даже всхлипнула смерть.

Так начинается сказка ярче отбившей были,
так начинается песня в горле глухой немоты
там, где слова бессильны, там, где начало забыли,
где расплывались в тумане, но не горели мосты,

где расходились у камня на перепутье дороги,
слагаясь в ещё неизвестные даже богам пути,
где на газете вчерашней стол накрывали боги

и мы у них парой синичек светло трепыхались в горсти.

«Свет подёрнутый тусклой теменью...»

Свет подёрнутый тусклой теменью.
Словоложество. Суевремелье.
Не спаслись и не убереглись.
Колокольный звон в отдалении,
тишины сквозь грохот моление,
дней концы и начала сплелись.

Мысль вслепую колотится в темени и
отзывается в сердца биении,
души камнем падают ввысь.
Время стуже и время калению.
Время гневу и время смирению.
Говори, пророк, не таись.

Говори, Соломон и юродивый,
пока в землю неслышно восходим и
прорастаем травой в облака.
Говори. На твоё говорение
отзывается благодарение
за дыханье, что длится пока.

«От А до Я, от мира до войны...»

От А до Я, от мира до войны,
от берега до смертельной неги,
от звонкой альфы до немой омеги,
от первой до последней тишины.

И все пути сливаются в один,
и не сойти, как мы с ума сходили
и на игле Кощея жили-были,
и золотых не знали средин.

Уже без водки воздух всё пьяней,
пустое дело – тело конопатить,
и время не копить, а просто тратить
и быть богаче тем, что стал бедней.

И дела нет, зачем и почему —
какая разница? Ни сердцу, ни уму —
что есть, то есть, так, стало быть, и надо,
и нечего завесы слов плести,
пока открыты смертные пути
на сколько хватит времени и взгляда.

«Отеческих пенат всё тот же лик...»

Отеческих пенат всё тот же лик
и тот же сквозь знакомый облик дух,
всё тот же воробьиный чик-чирик
и тот же бред зияющих прорух,

и хан, и хам, и сказки. Исполать.
В трёх соснах разгулявшихся стихий
плутает речь и слов не отыскать
для выдохшихся песен ностальгий.

Да и к чему отыскивать слова,
размазывая слёзы по лицу?
Так на ладони бабочка мертва
и что на крылья сыпать ей пыльцу...

«Всё главное уходит в сноски...»

Всё главное уходит в сноски,
когда слова без них мертвы.
И ветер шевелит обноски
вчера ещё живой листвы.

Две даты на могильном камне.
За жизнью жизнь – за облака.
И дай бог памяти, пока мне
не стукнет гвоздь гробовщика.

Слов неприкаянно немотство,
попытка говорить грешна.
Но отзывается сиротства
неутолимая вина.

Вороний грай, как дождь, прольётся.
Замрёт дыхание в тиши.
Цветы пожухнут. Боль свернётся
калачиком на дне души

и станет греться дальним светом,
пока то ль к счастью, то ль, увы,
ещё на свете я на этом,
по эту сторону травы.

«Когда словам не вынести тщеты...»

Когда словам не вынести тщеты
до смыслов сокровенных достучаться,
тогда приходит муза немоты
суровая, как дух старообрядца.

Садится у стола и смотрит в стол,
сплетает пальцы словно ждёт чего-то,
а на плече её сидит щегол
и пьёт с виска немую каплю пота.

Чего ты ждёшь? Она молчит в ответ.
Зачем пришла? Она в ответ ни звука.
Глядит в окно, закату смотрит вслед
и шурится на тени близоруко.

Потом вздохнёт, попросит огонька,
закурит, скажет, ладно, хватит дуться,
ты, парень, не валяй-ка дурака,
коль смыслы будут, то слова найдутся.

И растворится, выпустив кольцо
и в нём пропав, надев, как плащ на плечи.
В углу мышонком прошуршит словцо

и скроется до пробужденья речи.

Александрю Избицеру

Что это, господи? Господи, что?
Звёзды наплакали, ветры напели?
Глас твой сквозь три ха-ха-ха шапито?
Отсвет купели? Разливы капели?
Клавиши радуги? Струны дождей?
С запада ветер или с востока?
Нота любви? Саксофон водостока?
Плач пересмешника? Крик лебедей?
Это момент между явью и сном,
это мгновенье длиною в столетье —
лопотуном, шептуном, молчуном,
разноголосица и разноцветье,
хитросплетенье начал и концов,
горечь веселья, печали улыбка,
бой барабанов, звон бубенцов...
празднично, знобко, призрачно, зыбко.
Это на стенке трепещущий лист,
это из сора души воспаренье,
это прикрывший глаза пианист,
это на кончиках пальцев прозренье,
это надежды звучащая плоть,
это любви безответное счастье,
это отчаянной веры щепоть,
это созвучие и соучастье,

это начало концов и начал,
это двуногая страсти тренога,
досточки клавиш, последний причал
утлой лодчонки уставшего бога.

Дмитрию Бавильскому

1

Подбой заката спорит с белизной
сияющего дня. Молчи и слушай.
Дым приторен над миром и страной.
Кукушка надрывается кликушей.

Поклоны бьёт святая простота
то кесарю, то богу, то мамоне.
Семи ветров сквозная духота.
Кощеева игла в яйца бутоне.

Чохоточный румянец суеты
на бледности застывшего мгновенья.
А жизнь взыскует тихой простоты
не чаянного слепотой прозренья.

И ты стоишь – кепчонка набекрень,
душа поёт и матерится тело,
и простота обманчива как тень,
отброшенная светом в тьму пробела.

2

Фаворский цвет мерцает на свету,
в Преображенье достигая пика

и превращаясь в запахи и звуки
листвы под ветром и травы в овраге,
в птичий и собачий печальный грай,
в светлую печаль, что так похожа
на остывший чай... и день прозрачен
и призрачен... и словно напоследок
мелькнёт предчувствие и в тишине растает...
закат сгущается, в лесу деревьев лица
сливаются в колеблющемся лике
и августовский свет
сплетается неслышно
в щекочую вязь
сентябрьских паутин...

«Что давно потерянным ключам...»

Что давно потерянным ключам
до того, где свечи жгу теперь я?
Что за птица прилетает по ночам,
бьётся о стекло, теряя перья?

Что за рыба бьётся на блесне?
В чьих руках сгибается удило?
Что за эхо плачет в тишине?
Что за тишина в аду горнила?

Что за блажь – вопросы городить?
Что за дурь – искать на них ответа?
Тянется растерянная нить
Ариадны за полоской света.

Дышит неостывшая зола.
Теплится душа в озябшем теле.
Светятся в морщинах зеркала.
Вьются законные метели.

Женщина заваривает чай
посреди земной юдоли ада,
задевая тени невзначай,

прозеленью вспыхнувшего взгляда.

«Слово просится прочь, как стреноженный конь...»

Слово просится прочь, как стреноженный конь.
Мелкой дрожью по коже дыханье свободы.
Взгляд распахнут по-детски. Горло помнит супонь.
Пастернаковских скул немотою обводы.

Слово просится в голос. Но воздух так густ,
что на волю из лёгких не вылететь речи.
За грудиной горит несгорающий куст.
И холодный огонь на оплывшие свечи.

Слово просится стать. Но под стать тишине
тает в терпком неспешном раздумьи молчанья,
чтобы выпасть кристаллом на листа белизне,
наконец обретая способность звучанья.

«Песчаный скат на волжском берегу...»

Песчаный скат на волжском берегу.
Неслышный разговор воды и неба.
Качаются бессонные буйки.
Сладость корки хлеба.
Игла молчит в стогу.
Ещё зелёные пахучих трав валки.

Не дремлет щука и карась не спит,
и на горе посвистывают раки.
Сюда вернуться и начать сначала.
Срок жизни не допит.
Полощет память враки.
Воздушные дворцы и на колу мочало.

В зияньи переполненных пустот
обманом соблазняет простота
и девкой жмётся к сбрендившему веку.
Река уже не та.
И ты уже не тот.
И дважды не войдёшь в одну и ту же реку.

«Думалось, будет всегда...»

Думалось, будет всегда,
а пролетела и скрылась
в непоправимости милость.
Перебираешь года,

то вспоминаешь и это,
всё, что казалось простым.
Чувствуешь чувством шестым
шорох небесного света.

Сколько осталось – бог весть.
Греет любви наважденье.
В день отгоревший рожденья
тихо на кухне присесть,

чокнуться с тающим небом,
выпить, вздохнуть, помолчать.
Памяти грустной печать.
Стопка, накрытая хлебом.

«Время смеялось, плакало, пело...»

Время смеялось, плакало, пело,
в небо стучалось, билось о дно,
с ритма сбивалось, парило, летело.
Господи, как это было давно.

Мало не много, много не мало.
День занимал собой ширь бытия.
До горизонта лежало начало.
Морем казалась дня полынья.

День был длиннее долгого года.
Год был короче мелькнувшего дня.
Неутолимого голода кóда
день завершала, звеня и маня.

Но ворожа, заклиная, пророча,
таяли дни, растворясь во *вчера*,
завтра рождалось в таинстве ночи
и умирать начинало с утра.

Пахло грибами, костром, листопадом,
снегом, распутицей, пыльной жарой,
дни уменьшались под времени взглядом
и заплетались густой мишурой,

переливаясь в минувшей минуте,
перекликаясь с кукушкой в часах,
и разлетались, как шарики ртути,
как между пальцев песок в небесах.

Тиканье сердца. Шорохи света.
Заново учишь, что знал наизусть.
Вертится в воздухе жизни монета.
День ото дня всё прозрачнее грусть.

«Пустим по́ кругу, словно папаху...»

Пустим по́ кругу, словно папаху,
тёртой кепочки простоту,
коль не голому на рубаху,
так одетому на наготу.

И, настроив перо, как лиру,
тронем строчки тугую нить,
то ли по́ миру, то ли по мíру
отпуская слово бродить.

Ошалевшей от крови эпохе
наплевать на него и забыть.
Не пророки мы, а скоморохи —
словом слёзы сквозь смех будить.

А когда потянется к небу
и в песок поплывёт душа,
положить на стакан ломоть хлеба
и уйти в никуда, не спеша.

«На солнце проступающие пятна...»

На солнце проступающие пятна.
Цветущий на болоте чернотал.
Отдай слова, верни слова обратно,
мой бедный бог, что я тебе шептал.

Ты что-то отвечаешь мне невнятно,
а что – не различить, не разобрать.
Прошу тебя, верни слова обратно,
что я набрался глупости сказать.

Дождей морока в жести водостока.
Хоть пой, хоть плачь, хоть милости проси.
Мой бедный бог, тебе там одиноко
в твоём необозримом небеси.

На стрелке ходиков заснул безумный кочет,
проспит лису рассвета и хана.
Слепая полночь бредит и пророчит
провидческим безумием пьяна.

Мой бедный бог, перелистнув страницу
своих заветов, падает во тьму
и всё, что ночью будет ему сниться,

к утру окажется ни сердцу, ни уму.

«Догорит заката парус...»

Догорит заката парус,
плач утихнет, смолкнет смех
и рассыплется стеклярус
звездопадом из прорех.

Покачнётся мирозданье,
встанет дыбом окоём
ждать с разлукою свиданья,
встречи небыли с былём.

Нечисть ночи карты мечет,
дрыхнут кочеты на вышке,
на руке у бога кречет
череп взламывает мышке.

Смотрят с двух сторон в окошко
сквозь патину бытия
неба ветхая рогожка,
тела утлая ладья.

«Что будет, будет. Что прошло, прошло...»

Что будет, будет. Что прошло, прошло.
Что есть, то есть, а больше и не надо.
В календарях запуталось число
и шёпот в шелестеньи листопада.

Далёкий шум запутался в тиши.
Цвета, слегка подёрнутые дымкой.
И ни души. Замри и не дыши,
для мира обернувшись невидимкой.

Патина сентября вздыхает под рукой
и пощекатывает щёку паутина.
Дать волю кисти и немой душе покой,
чтоб проступила на холсте картина.

Грибов и прели дух плывёт, пьяня.
День длится, как застывшее мгновенье,
и в мимолётном отпечатке дня
сквозит, себе не веря, откровенье.

«Слегка подтаявшая летняя жара...»

Слегка подтаявшая летняя жара.
Дней убывающих меж пальцев долгота.
Стук яблок и каштанов. И с утра
сквозь краски августа мерцает нагота.

Дымится терпкий чай. В окно луна глядит.
Прекрасна женщина. И мой сурок со мной.
А память школяром растерянным твердит:
«Война, войны, войне, войну, войной».

Твердит, пророчит, бредит, правду врёт,
кукует, каркает, восходят трели в плач.
Jam session августа. И ночи напролёт
в траву роняет головы палач.

Слепая мошкара летит на свет.
Остывший чай подёрнут плёнкой сна.
За стенкой глухо кашляет сосед.
И ржавчиной листва обагрена.

«Не по велению детской считалки...»

Не по велению детской считалки,
не бормотаньем липучей гадалки,
не по совету голосом скучным,
не объективным расчётом научным,
не лотерейной цифрой случайной,
не в гуще кофейной надеждой нечаянной,
не ожиданием чуда чудесного,
не манной небес подаяния пресного
и не молитвой то криком, то шёпотом.
Пóтом и кровью.
Кровью и опытом.

«Осеннее зарёванное небо...»

Осеннее зарёванное небо.

Не сладок дым и приторен распад.

Красноречива блажь. Косноязычна треба.

Ночная перекличка невпопад.

Собою переполнены пустоты.

Бездонны хляби вечной маяты.

И безголосый голос: «Что ты? Что ты?»

из подземельной гулкой высоты.

А с пересохших губ слетает слово

и падает в пожухлую траву.

И старый бог с повадкой птицелова

из слов слагает о себе молву.

«Всё тоньше книжка записная...»

Всё тоньше книжка записная.
Зачем она? Уже не знаю —
живых всего наперечёт.
А речка времени течёт
сквозь пальцы по земному краю.

Уносит имена и даты,
и лица тех, кто был когда-то.
Скорбящий в радости чудак.
Скользящий солнечный пятак.
Горят на памяти заплаты.

Жгут листья. Дым витает сладок.
Шуршит осенний беспорядок.
Щекочет щёки холодок
и всё, что помнил назубок,
бежит от речи без оглядок.

И проступает соль земная
на лбу, когда с судьбой играя,
вдруг заиграешься до слёз.
Так плачет крап на картах грёз,
когда тасуешь их, сдавая.

Ночь всё длинней, а ночь короче.
Клонится день к бессонной ночи.
Земная длится канитель.
Мягка небесная постель.
О чём там ходики хлопчут?

«Было голодно и одиноко...»

Было голодно и одиноко.
Было сыто, весело, пьяно.
Что тарачишься, дно стакана,
как бездонное божье око?

Серебрится звёздное просо.
Зарастает ржавчиной лето.
Лебединая шея вопроса.
Воробьиный лепет ответа.

Опадает сказок короста,
голос памяти глуше, тише.
Или это не память – просто
шорох лет по дырявой крыше?

И катая меж пальцев годы,
дни и даты перебирая,
тихо ждёшь у моря погоды —
заблудившегося трамвая.

«Богом не прочитанный извет...»

Богом не прочитанный извет.
Жизнь ломала да не обломала.
Посреди осыпавшихся лет
памяти провалы и прогалы.

На стакане с водкой сохнет хлеб —
только успевай менять и плакать.
В неизбытой нежности свиреп
тлен ласкает солнечную мякоть.

Тихо осыпаются слова.
Запах прели, дыма и свободы.
И по праву вечного родства
смерть у жизни принимает роды.

«И что с того, что прячется в мешке...»

И что с того, что прячется в мешке
немой судьбой заточенное шило?
К закату вечер и рука в руке —
и это есть, а то, что было, сплыло.

По водам хлеб. И на столе ломоть.
И соль ещё не потеряла силу.
Ещё с душой аукается плоть
и вяжет жизнь смолёные стропила.

Закат с рассветом делят небеса.
Сосуд небесный не оскудевает.
И на щеках солёная роса
шагреновую кожу омывает.

«На закате светло...»

На закате светло.
На рассвете темно.
Заплутала в часах шестерёнка.
Время дышит в окно.
Память крутит кино.
Спотыкается старая плёнка.

То, что было потóm,
то, что будет вчера,
на рябом проплывает экране.
Занебесное счастье,
земная хандра,
шиш в кармане и ёжик в тумане.

То, что будет, пройдёт.
То, что было, не зря.
А пока посидим на дорожку.
Бабье лето шуршит
на свету октября
наяву, в полусне, понарошку.

Неразборчива речь.
Невесомы слова.
Звёздный крап на бубновом валете.

И в ладони ладонь
словно свет волшебства
отражается в будущем лете.

«Тягучая бессонная тщета...»

Тягучая бессонная тщета,
продавленность небесного матраца.
Растерянных мгновений маята
в беспомощном усилии собраться.

Слепая госпитальная тоска
колотит в грудь трухлявою клюкою.
И даль близка, а близость далека
и слово бьётся болью под рукою.

Смущается желанья нищета.
Забуть, забытья, под руку забиться
волшебнику, где стихнет суета
и молится душа, а не божится.

В булгаковской ночи висит луна.
Ночной обход неутолимой боли.
Пьянит таблетки сонной белена.
Стихает стон в беспомощном глаголе.

Сны, путаясь в часах, безбожно врут
и не найти концов – всё шито-крыто,
стучат в висок осколками минут
четыре всадника, горят коней копыта.

Но не смыкает взгляда изумруд
и тихо дышит рядом Маргарита.

«Ноябрь. А всё ещё тепло...»

Ноябрь. А всё ещё тепло.
Старик. А всё ещё живётся.
Под кожей, кажется, крыло
прорваться в поднебесье бьётся.

И госпитальная тщета —
урок чистилища тягучий.
Дрожит земная нищета
и тянется счастливый случай.

Зеленоглазая судьба
твою не выпускает руку.
Молитва. Исповедь. Мольба.
Надежда на её поруку.

Свеча луны висит в окне,
как память— не греша, не каясь.
Жизнь забывается во сне,
крылом от света прикрываясь.

Леониду Латынину

*...в ту ночь, когда слетел последний лист...
О. Генри*

Под ногами докошенной жизни стерня.
Дозовёшься едва ли, зови, не зови.
Только ангелы плачут в аду без меня.
Только боги смеются по локоть в крови.

И ещё не сорвавшийся с кромки земной,
но уже заглянувший за дымчатый край,
согреваюсь нетленной любви купиной
и держусь за свой маленький ад или рай

этой жизни шалавой, шальной, шепутной,
бесконечно короткой, святой и грешной,
несказанной, безумной, упрямой, чумной,
безутешной, потешной, всего лишь одной.

Ей в ответ, откликаясь на выдох и вдох,
смерть играет на дудке за левым плечом,
из подземного царства взмывает Молóх,
сныч скрипит под заржавым старинным ключом.

Но не молкнет озябших пичуг пересвист

сквозь заката кровавый подбой
и дрожит на стене нарисованный лист,
и любовь говорит: «Ты живой!»

«Чёрное, белое, зло ли, добро ли...»

Чёрное, белое, зло ли, добро ли,
бред, откровение, блажь дурака,
ангелы, черти, пифии, тролли,
выбиты в камне быть на века?

Богово – Богу. Логово – волку.
Братьям по финке. Сестрам по серьгам.
Зёрнами бьёмся в свою кофемолку.
Дождичку молимся по четвергам.

Рак на горе заливается свистом.
Нёмы кукушки. Молчат соловьи.
Виснет луна пятаком серебристым.
Господи-боже, твои мы, ничьи?

С грохотом крыша сползает у мира
и ни житья уже, и ни бытья.
Но за стихией вступает стихира
и не стихает любви лития.

«От снега первого до почек...»

От снега первого до почек.
От почек и до листопада.
И неразборчив жизни почерк,
как шорох замершего сада.

День спотыкается о вечер
и падает в объятия ночи.
Язык прозреньями увеча,
Кассандра пьяная пророчит.

А до утра ещё полвека,
а, может, век, а, может, вечность.
И медленно сползает с века
слезой нечаянной сердечность.

Гуляют желваки по скулам,
улыбка дыбится оскалом.
Бессильным стариком сутулым
бог робко жмётся по вокзалам,

тревожно вглядываясь в лица,
надеется увидеть сына.
А дух, как бабочка-ночница
в руке слюнявого кретина.

Под хрусткой белизной рубахи
душа ещё чего-то чаёт.
И три слона на черепахе
в раздумьи хоботом качают.

«Если о чём-то и думать, то о тебе ...»

Если о чём-то и думать, то о тебе —
жизни, любви, речи молчанья за чаем,
танце теней на стене, мерцающей в небе судьбе,
где и нечаянный вздох так не случаен.

Если о чём-то и петь, то не о войне и стране,
а о солнечном зайчике, пляшущем на пороге,
горло щекочущем дне в наполненной тишине,
где за плечами дышат наши смешные боги.

Если чего и хотеть, то не заново жизнь прожить,
не обрести бессмертье и маяться в нём одному
Вечным Жидом, а просто дышать и жить
в нашем над пропастью вечности шатком дому.

Если чему-то быть, то пусть это будет что есть —
отмеренность времени, где и секунда век,
стол под крышей, где можно вдвоём присесть
и слушать как за окошком дышат звёзды и снег.

1948

*Кто видел ангелов – тот светится и сам...
Виктор Кривулин*

На дне двора-колодца драный кот
и музыкант с побитою гармошкой.
Мальчишка, позабыв про свой компот,
трёт муть стекла то носом, то ладошкой.

Сипит гармонь и музыкант хрипит
слова простые песенки нехитрой —
на жалость бьёт и двор слезой кропит,
и грезит, как спасением, поллитрой.

Ему из окон дарят пятаки,
завёрнутые в мятые бумажки.
Послевоенные голодные деньки
у времени под палкою в упряжке,

холодный ветер с четырёх сторон,
свинцовых туч грохочущие глыбы,
затворов лязг, этапный перегон,
заботы властной стонущие дыбы,

и стынут по оврагам образа,

пустые к небу обратив глазницы.
Но счастлив шкет и светятся глаза,
и песенка несёт его, как птицу,

уносит из колодца к небесам,
в голубизну из серости суконной.
Кто видел ангела – тот светится и сам.
И шкет в окне – прозрачную иконой.

«Самолётная линия наискосок...»

Самолётная линия наискосок
надорвала небес голубую страницу.
Позабывтое детство стучится в висок,
как цыплёнок в яйце на свободу стучится.

Это старость впадает в младенческий раж,
отпуская на волю рассудок и память.
Это время пустилось в бессонный кураж
под зимы разгулявшейся пьяную зámять.

Это птица стремится обратно в яйцо,
растеряв по земле разноцветные перья.
Это просто щекочет прохладой лицо
и душа замерла в подреберье.

Это просто билетик пустой попугай
достаёт из корзинки. Он знает,
что пока не открыт мне ни ад и ни рай
и мой рейс без меня улетает.

«Как больно прорезаются крыла...»

Как больно прорезаются крыла́
сквозь слабость растревоженную плеч.
Как рвётся в небеса побег ствола,
не зная, что придётся в землю лечь.

Как плачет птица под мечом луча.
Как тихо подбирается гроза.
Как радуга касается плеча.
Как в кровь стирают кожу железá.

Как в полдень накрывает землю тьма
и кошки сёры в серном запахе, и мир
сползает в мрак со слабого ума,
и гладит шею ласковый вампир.

И в яви сна является отец,
и мать зовёт, ну где же ты, сынок?
А ты стоишь – стареющий малёц,
и небо начинается у ног.

«Вот и день на минуту длиннее...»

Вот и день на минуту длиннее,
хотя ночи и длится урок,
и в декабрьской смурной ахинее
не проснётся под снегом сурок,

не споют клавесины капли,
не подхватит залётный скворец
и весенней прозрачной пастели
на рассвет не положит творец.

День длиннее, а ночь не короче.
Утро в полдень и не мудреней,
и в четыре сгущение ночи
зажигает огни фонарей.

Время тянется медленно, вязко.
Глохнет в отзвуке тонущий звук.
Прожитого сухая замазка
опадает с опущенных рук.

Голос веры, любви и надежды
шепотком сквозь шуршанье снегов.
Жизнь и смерть дышат зябко, а между
замечает следы двух шагов.

«Перед новым годом, как перед жизнью новой...»

Перед новым годом, как перед жизнью новой,
которая, если и будет, то дай бог не хуже старой,
карты раскинешь – валет ухмыльнётся бубновый
с авоськой в руках, наполненной стеклотарой.

Скажет: «Ладно, не парься, дела-то на копейку,
я вот потёртая морда в блёклых веснушках крапа
в пасьянсы не верю, ибо судьба всего лишь индейка
да и у той оторвана хитрой лисицей лапа».

Скинемся на бутылку. Сбросимся на вторую.
Третья сама нальётся. Закусим хлебом и солью.
Тут-то я и поверю, что как-нибудь перезимую
и встречу весну в обнимку с любовью своей и болью.

А за весною лето закатится в бабье лето
и осень золото сбросит к ногам матерееющей стужи,
и снова достану карты и вызову дух валета,
и мы с ним выпьем за то, чтоб было опять не хуже.

«Всё будет так, как должно быть...»

Всё будет так, как должно быть,
даже если будет иначе.
Если кораблю суждено плыть,
бог ему океан наплачет.

Мир, как ни крути, ни кромчи,
лишь сам себе соразмерен.
И если правят бал палачи,
господь изошрён, но не злонамерен.

Дрожит на нитке дождя капля добра.
Тоска, сколько ни крась, всё зеленее.
Кровавый пятак заката катится во вчера,
утро опять не будет вечера мудренее.

Лучше меньше да лучше, как говорил Ильич.
Впрочем, ну его к чёрту – жить хорошо хоть плохо.
Дня зажигаю свечку – зябнувший старый хрыч,
а что остаётся делать, коли темна эпоха?

Будет, что будет и вовремя. А если я виноват,
то тем лишь, что был собою и не хотел иначе.
Бог напрягает ухо – мудр и глуховат,

и говорит: «Да ладно, не виноват тем паче».

«День отойдёт на пять минут...»

День отойдёт на пять минут
за сигаретами и канет.
Часы с кукушкой взбрыкнут
и захлебнутся. Время встанет.

Настанет вечность. Что тогда?
Подтянет гирьки бог лениво?
Застынет бреда чехарда?
Окаменеет вздох прилива?

А ничего тогда. Лишь ты
потрёшь седок висок устало,
взглянув с небесной высоты
на то, что жизнь не перестала...

«Над сорока сорока́ми со́рок воровок-со́рбк...»

Над сорока сорока́ми со́рок воровок-со́рбк
дразнят ворон ворохами блестящей муры
и в середине июля не вылезает сурок,
тени своей испугавшись, из безопасной норы.

Над сорока сорока́ми сквозь синеву тьма.
Срама живые не имут, а мертвецам не краснеть.
Меж теремами и куполами ярмарка и тюрьма.
Между рождением и смертью пьяная кровью плеть.

Под сорока сорока́ми сорок слоёв костей.
Окна незряче таращатся исподтишка,
за ними строгают детей, собирают гостей,
пялятся в телевизоры, режутся в дурака.

Снег тополиного пуха сменяет промозглая нудь.
Смутные времена покорно тянут срока́.
Глокая кудра бокра спешит будлануть.
А городской дурачок пересчитывает сорока́.

«Расшумелись ночные птицы...»

Расшумелись ночные птицы,
распугали ночных котов.
Были прячутся в небылицы.
Хрипло дышат туши кустов.

Ухмыляется тьма недобро.
Улыбается нетопырь.
Бой часов разрывает рёбра
и губу облизнул упырь.

Кромка мира хрустнула ломко,
Но, с фортуной сыграв вничью,
жизнь – смешная недотыкомка —
балансирует на краю.

И, пока не распахнуты двери,
не в тот мир Ариаднина нить,
в этом мире, по этой мере
быть любимыми и любить.

«Тьма прозрачна, а свет кромешен...»

Тьма прозрачна, а свет кромешен.
Небылицы сплетаются в быль.
Божьей мельницы ход неспешен.
Сединой замечает пыль.
Ангел бьётся о тучи в падучей,
черти ржут, мол, надрался, пьян.
Не случаен счастливый случай.
Инь тарашится в зеркало ян.
Над башкою кружит тарелка.
Сладок запах из труб дымка.
Божья мельница мелет мелко —
му́ка, счастье, пепел, мука́.

песенка

Затасканный мотивчик,
случайные слова.
А всё же ты счастливчик,
коль песенка жива.

Дурная, чумовая,
три ноты вразнобой,
а всё-таки живая,
а всё-таки с тобой.

А всё-таки сквозь войны
и суету сует
она выводит стройно
с надеждой свой дуэт.

То плачет, то смеётся,
то слов не разберёшь,
а всё-таки поётся,
а всё-таки поёшь,

как можешь и умеешь,
сквозь продувную бредь,
и думаешь – как смеешь,
не смея не посметь?

«Ночь – растерянная блудница...»

Ночь – растерянная блудница
в чёрном платье и гололица
перепутала времена.
Соль земная не солона.

Скрипнет старая половица,
слово схлопнется и растворится,
отзовётся створка окна.
И не надо больше, не на...

Ветер треплет небес холстинку.
Гуси-лебеди на развес.
Нежно ангелов нянчит бес.

Бог макает в слезу паутинку,
добавляет штришок в картинку,
пальцем пробует глины замес.

«Прошивают землю прилежно дожди...»

человек с небесной ямой в груди
Андрей Тавров

Прошивают землю прилежно дожди.
Под лежачим камнем моря бушуют.
Не баюкай бессонницу. Сон не буди.
Жизнь и смерть ошую ли, одесную?

Заросли дороги. В полдень ни зги.
Мир кровавой коростой опрыщавел.
Всё на кругу своя, на свои круги.
И земле всё равно – что Каин, что Авель.

Всё равно земле, небесам всё равно.
Только точкой живой меж землёю и небом
воробьёв сквозь распахнутое окно
ты с ладони кормишь озябшим хлебом.

Засыпает яму в груди тишиной.
Засыпает память и терпко снится
чуть горчащий запах соли земной.
И распахнута в небо слепая зеница.

«Две стёртых даты. Имя не прочесть...»

Две стёртых даты. Имя не прочесть.
Мхом поросло *поэт*. И всё. И точка.
Тропа заросшая и не на что присесть.
Ни камушка, ни свечки, ни цветочка.

В молчаньи чётки строчек теребя
молился Слову, что да не оставит.
Перечить кесарю? Чихал он на тебя.
Перечить черни? Заплюёт, затравит.

Свобода впроголодь да муза у плеча,
да чистый лист, да небо голубое.
И прорастают травы, хлопоча,
из тех стихов, что он унёс с собою.

«В кровавой слепоте ристалища...»

В кровавой слепоте ристалища,
в тени случайного пристанища
в слепящем грохоте войны
миг оглушённой тишины,
где ни войны и ни вины.

В тиши пристанища двуспального
шаги прохожего случайного
и перезвон сервиза чайного,
и ломкость хрупкой тишины
как эхо будущей войны.

Ночь точкою в строке полудня
и ответ полдня в полнóчи.
И жизнь – застенчивая блудня —
в закат, краснея, прячет очи.

«Рябина на исходе октября...»

Рябина на исходе октября
рифмуется с манишкой снегиря,
сосцы иссохшие дряхлеющей эпохи,
сверкают сполохи холодного огня,
постылой стылостью пространство леденя
и угасая в снов чертополохе,

Слова сбиваются с накатанной строки,
а в колею вернуться не с руки,
как стёртой на ребро не встать копейке,
и вострубят архангелы с небес
или разлуку заиграет бес
на пастушковой дудочке-жалейке.

Тоскливой цаплей в дебрях камыша
душа замрёт под сердцем, не дыша,
земля разверзнется прямой дорогой в небо,
где родина до боли не родна,
и странная пространная страна
тебя сухой поманит крошкой хлеба.

Но ты не сядешь на её ладонь,
тебя уже иной влечёт огонь
иные глубины и иные выси,

где тихо окликает лития
чуть слышное шуршанье бытия
растёкшейся по древу жизни мыси.

Борису Кушнеру (10.12.1941 – 8.5.2019)

1.

*Так кружат птицы на заре
Без замысла, без смысла...
А жизнь моя теперь – тире,
И стёрло время числа.
2 августа 2006*

Свет опаловый рассвета,
тихое мерцанье рос
и неслышного ответа
шепоток на твой вопрос.

Дат скупые берега.
Между ними мостик тонкий
и скользящая дуга
радуги по хрупкой кромке.

2.

*Так бы душа и пела... —
Хоть не умирай...*

8 июля 2006

Пела бы душа и пела
то пичугой, то трубой,
то отважно, то несмело,
то бессонной ворожкой,

как тогда – в начал начале,
где рождается глагол,
на заброшенном причале
пел о вечности щегол.

3.

*Б-жия коровка,
Улети на небо,
Принеси нам хлеба... —
Принеси покой...
14 июня 2006*

По тонкой ниточке дыханья
скользнёт с ладони в синеву
трепещущее упованье
на сень покоя наяву.

4.

*Я мигом был. Небесным телом.
В шоньском небе искры нить*

*Над нашим веком оголтелым,
Что довелось мне пережить.
10 августа 2002 г.
Будто век наш нескончаем,
Будто утро – не закат...
24 июля 2006*

Вечность мига и вечности блик.
Краткий выдох протяжного вздоха.
Над упавшей звездой повилик
насадила шальная эпоха.

И пылает кровавый рассвет,
и роса на глазах у заката,
золотой зацветёт горчицвет
и сердечное бьётся стакатто.

5.

*К закату небо голубей
И легче спорить с болью.
30 июля 2006*

Ещё пламя свечи, не хромая,
бродит тенью по белой стене
и душа, свою боль унимая,
отражается в мокром окне.

Голубое становится синим,

синева погружается в тьму.
С болью мы по сто грамм опрокинем,
а за что – я и сам не пойму.

6.

*Жизнь была так хороша,
Что умереть не жалко.
20 мая 2003*

Я бы и не умирал нипочём —
жил бы да жил, то смеясь, а то плача,
если бы смерть не жила за плечом,
следом не шла, то ворча, то дурача.

Ну, а окончится жизни считалка,
ляжет под ноги немая стезя —
жизнь была так хороша, что не жалко
и умереть, коль иначе нельзя.

7.

*Как быстро век мой отсверкал, —
Как будто бы и не жил.
15 сентября 2006*

Скользят по небу облака
и слёзы по щеке,

и дарит мне тепло рука
твоя в моей руке.

И в строчки просятся слова,
струится речи нить.
А я как будто сызмальствá
лишь начинаю жить.

8.

*И эти сны со старой дачи,
И память, рвущуюся прочь...
4 августа 2010*

То журавлик, то синица,
то в руках, то в небесах,
и кукушечка в часах
накукует, что приснится.

Накукует, нагадает,
скажет правду и наврёт,
но едва ли угадает,
что мне память принесёт.

Память будущего плачет.
Память прошлого поёт.
Время всё переиначит,
всё поставит в свой черёд.

9.

*Мои кустарные стихи... —
Внимай, кустарник придорожный! —
Я твой поэт неосторожный...
5 августа 2010*

*Не гнался он за рифмой меткой,
Он просто пел, как только мог.
1 сентября 2011*

Это счастье подённой страсти —
быть у слова в свободной власти,
немоту отливать в слова,
пусть и слышны они едва.

Эта мудрость негромкой речи
словно руки друга на плечи,
эта мера живой простоты,
что с самим мирозданием на ты.

Пой, как можешь, и будь что будет.
Кто услышит, тот не забудет,
когда ты уйдёшь, как строка,
в проплывающие облака.

10.

*Не умирай, играй, скрипач,
Из облака забвенья.*

15 сентября 2010

Надежды наши зыбки.
Давай настроим скрипки
и словно канифолью
смычки огладим болью.

Смеялись и тужили,
и, как могли, так жили.
Уйдём и не воскреснем,
но отзовёмся песней
на всё, что было с нами,
став помнящих нас снами.

11.

*Каждый прощается
С собственным веком.
15 июля 2018*

И прежде, чем пятак на веки,
оглянешься – в каком я веке
с такую страстью вековал
трагедию и карнавал?

Воспоминанья снимешь с полок —
чем век недолгий был так дорог,
кому, чему сказать *прости*

в начале вечного пути?

12.

*Так жизнь кончалась. Фугой Баха.
Совсем неплохо для конца.
13 октября 2018*

Книга закончена. Точка в конце.
Слов не найти и нужны ли слова?
Вечный покой на уснувшем лице.
Нас разделяет живая трава.

Даты на камне. Память в душе.
Тени былого. Печальный эскорт.
Солнечный отблеск на голыше.
Баховской фуги последний аккорд.

13.

Всё, что не было, было,
а что было, прошло,
улетучилось, сплыло
и быльём поросло.

Золотушного детства
золотая пора.
И на память, в наследство
жизнь бедна да щедра.

На плечах коромысла
два дырявых ведра
полных смутного смысла
и игры в чур-чура.

От любви до печали
вздоха хрупкий вершок.
На последнем причале
выпьём свой посошок.

Здесь мы были и сплыли,
и уходят в песок
звёздной искорки пыли,
холодящей висок.

бабушка

Уж столько лет, а всё-таки нет-нет
случается нечаянное чудо —
сквозь сновидения невнятный полубред
не знаю как, неведомо откуда

приходит ночью, тени шевеля
неслышным шагом, не тревожа звуки,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.